

В ДЕКАБРЕ

Декабрьских сумерек пора сурова,
и звонок льда крепчающего щит.
Морозный ветер с озера лесного
в углах избы продрогнувшей трещит.

Но все же солнце лик свой обращает
к весне настойчивей день ото дня,
и полные амбары урожая
тепло труда народного хранят!

ДРУГУ

Мир живой еще в снегах таятся —
ветер белые намел стога.
Задремала зябкая пшеница,
кутаясь в карельские снега.

Ненадолго смутное бессилье,
пусть весь свет сегодня замело,
день придет — и даст ей крылья
солнца благодатное тепло.

Затрепещет, к свету пробиваясь...
Сок земли родимой пьет и пьет.
Так и человека согревает
дружба и участие твое.

Так теплеют под весенней властью
небо и река в лучах зари.
Если ты себе желаешь счастья —
ты другому счастье подари.

■

Зимний вечер тихими шагами
в комнату пришел через снега...
Я смотрю на тлеющее пламя,
я задумался у очага.
Горячо воспоминаний жженье,
жарче угольев, что лишь чадят...
Неужель, пройдя, как сновиденье,
нежность не воротится назад?
Неужель растает синим дымом?
Ты пришла — и я нашел ответ:
радостный огонь в глазах любимой
нам приносит в жизни счастья свет.

ЛЫЖНИЦА

Ты слетаешь с пригорков покатых,
оставляя лыжни на снегу;
их — следов твоих замысловатых —
я понять никогда не смогу.

Разольются водою талой
те лыжни, где прошли мы вдвоем,
но кружки твоих легких палок
отпечатались в сердце моем.

Я иду по раздольному краю —
и тебе мои думы верны:
в эти думы я словом вплетаю
песню ладожской вешней волны.

СВЕТ В ОКНЕ

В сумерках тяжелых
я веду лыжню
мимо тихих елок
к дальнему огню.
Он сквозь снега замять,
тишиной дразня,
добрыми глазами
смотрит на меня.
Скрипну дверью или
постучу в окно —
в доме не забыли,
ждут меня давно.
Пусть дорога — мимо.
Но повсюду мне
свет неугасимо
видится в окне.
Потому любая
ноша мне легка,
что зовет, сверкая,
он издалека.

ЧАЙКА

У гранитного причала
я слежу за чайкой быстрой.
Птица, мне ответь сначала,
дом где, что тобою выстроен?!

Покружив, кричишь в ответ мне,
расправляя крылья острые:
«У меня опора — ветер,
дом — на нелюдимом острове.

Кольбель — крутые скалы,
крыша — небо, ветром полное,
туча — это покрывало,
пить хочу — ныряю в волны я.

Человек, реки извивы
ты раздвинь рукой уверенной,
море дай, чтоб нам, счастливым,
гнезда вить над новым берегом!»

ВЕТКА ВЕРЕСКА

Друзья,
 не утаю,
люблю я море,
но лишь уйду опять
 в далекий путь
и океан заплещет за кормою —
тоска по Родине наполнит грудь.

Красив морской простор необозримый,
когда могучих волн не слышен гул.
Но мне милее Север мой родимый,
где на пригорках вересняк уснул.

Забуть тепло домашнего уюта
я под чужими звездами не мог;
и освещает мне каюту
сухого вереска лиловый огонек.

ЧЕРТЫ ЭПОХИ

Покажется, отдалены годами
ночь Октября, солдаты, моряки,
у Смольного костров багряных пламя, —
и все-таки для нас вы так близки.

Той ночью родилась заря Советов,
весь мир народным счастьем одаря,
и вот сейчас партийным ясным светом
для нас сияет новая заря.

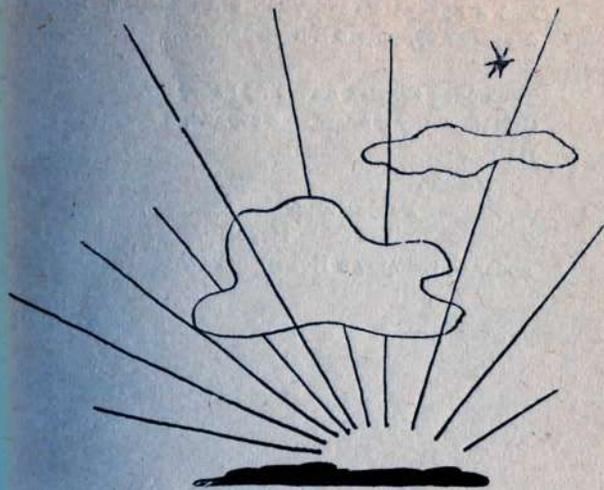
Зовет на подвиг Партия родная,
мы с нею продолжаем путь побед,
великую Программу выполняя,
шагаем к рубежу счастливых лет.

Сияют гордо в летописи нашей
огни плотня и исполинских ГЭС,
полеты в космос, воинов бесстрашье,
величье нами созданных чудес.

Вот почему, свершеньями своими
победный утверждая взлет мечты,
Карельский край делами трудовыми
являет мира новые черты.

РОЖДЕ-
НИЕ
ПЕСНИ

ТРИ СЛОВА

Нет, не забыть вас, детские года,
когда, раскрывши книгу на коленях,
отец мне помогает по складам
прочсть отчетливо впервые: «Ленин».

Да,

Ленин,

Революция,

Народ

тропинку первую, как знамя, осеняли.

Нас в красных галстуках веда вперед,
открыли будущего магистрали.

Трех слов святых ничто не разорвет.
Они повсюду с нами — в сердце, в жизни.

Нам

Ленин,

Революция,

Народ

победно говорят о Коммунизме.

АВРОРА

В синеве осеннего неба опять
над Невой восходит заря.
Я смотрю на открытую водную гладь,
где стоит корабль Октября.

Пусть он кинул навечно здесь якорь свой,
но твердит легенда о том,
что, поныне курс держа боевой,
он идет победным путем.

Он вступает в Завтра, минуя тьму,
ускоря времени бег,
и все явственней в волнах виден ему
Коммунистический век!

МЕЧТА ЛЕНИНА

Быки плотины. Шлюзы. Краны. Дамбы.
Струится воли литое серебро.
Сегодня ГЭС, как в древних рунах Сампо,
подарит людям силу и добро.

Разрежут ленту алую у пульта,
и жизнь взбурлит в моторах всей страны.
В веках прославят и поэт, и скульптор
бессмертный взлет у волжской быстрины.

И вдохновенный поиск инженеров,
и подвиг землекопов рядовых,
размах вселенский нашей новой эры
и героизм свершений трудовых.

Их прозревал в веках великий Ленин,
план ГОЭЛРО провиделся ему,
что будет враг повержен на колени
и свет повсюду опровергнет тьму!

Растет, мужает гордая Держава,
как воплощенье ленинской мечты.
Как солнца свет, не меркнет наша слава.
Её прекраснее не сыщешь в мире ты!

ПИОНЕР КОСМОСА

Звездой летит в космические дали
наш спутник.

Но поднять его с земли
туда, где звезды до сих пор сияли,
лишь руки трудовые и могли.

Мир потрясен.

Следит полет свободный
глазами телескопов, затаясь.
Открыв орбиту дружбы всенародной,
звучит сигнал — планеты мирной связью.

Он не умолкнет, голос неизменный,
труду и счастьем гимн его вовек,
и не поджечь кострам войны Вселенной,
когда за мир вступился человек,

когда встают народы всей планеты,
узнав, как, мчась по Млечному Пути,

победой разума и обещаньем света
мечта осуществленная летит.

С востока старт, вот именно — с рассвета,
мы — пионеры космоса — берем.
Ведет сынов к высотам власть Советов,
рожденная бессмертным Октябрем.

МАЯК

Ночь штормовая спустилась над
морем,
волны могучие гордо бегут.
Ветры на пенном, безбрежном просторе
крутятся в бешеной пляске,
ревут.

Но в темноте непроглядной,
осенней
вспыхнули ярко огни маяка.
От разыгравшейся бури спасенье
в гавани близкой для моряка.

К бурям привыкший утес
нерушимый
шлет свой привет — и шторма не
страшны.

Слышишь ли голос Отчизны
любимой,
песню гранита в шуме волны?

В темную ночь на границе
России
бодро сигналил маяк-часовой:
видишь, моряк, мой свет
негасимый?
Смело плыви дорогой морской!

ПУТЬ К ГЕРОИЗМУ

Повсюду грезят подвигом мальчишки,
стремясь куда-то от обычных дел.
Ревут, ярьась, шторма без передышки,
весь океан от пены поседел.

А им бы по арктическим торосам
ползти до полюса, живым едва,
с Колумбом вместе палубным матросом —
им земли открывать и острова.

В надзвездные туманности тараном
им на ракете ринуться, туда,
где возле Поллукса с Альдебараном
возникла неизвестная звезда,
да им бы. . .

Только отрешась от буден,
так к подвигу герои не придут:
ведь подвиг тем, наверное, и труден,
что сам похож на повседневный труд.

ПЕСНЯ ВОЛНЫ

За рекою устремляюсь к устью
и камыш прибрежный шевелю,
запеваю с радостью и грустью
песню беспокойную свою.
Что мне травы неширокой поймы?
Тина побережий не по мне.
Слышишь, море, породнясь с тобой, мы
сохраним движение в волне.
Ширь твоя приснилась мне когда-то,
море, ты мне грезилось, поверь,
и прибоя гулкие раскаты —
те, что жадно слушаю теперь.
Песню пусть выносит на просторы!
Крепну я, с тобою говоря.
Я — одна из тысяч, без которых
ничего б не значили моря.

РОЖДЕНЬЕ ПЕСНИ

Где, скажи, колыбель твоих песен, поэт?
Там, где шепчутся листья, встречая рассвет?
Там ли песни рождаются, плавны, тихи,
где гуляют одетые в шелк женихи?
Не из шума ли свадеб в веселые дни,
не из блеска ли глаз и родятся они?
Если б песни слагал лишь из этого я,
слишком легкою стала бы доля моя.
Мой удел — по неведомым тропкам шагать,
с юной верой в мечту домны мне разжигать,
петь о бурях и строить мосты — мой удел,
все сердца звать на подвиги я бы хотел.
С кузнецами под звон и под грохот пою.
Не хочу отставать я, хочу быть в строю.
Ритм труда — это песня моя с юных лет.
Я искатель, Колумб, космонавт и поэт.

■
О луне я пою то и дело,
о сиянии в небе ночном.
Пусть же критик ворчит: «Надоело!
Ты бы что-нибудь спел о другом.

Старомодно! Чувствительно! Все мы
к этой давней привыкли луне».
И ответчу я: «Лунные темы
актуальными стали вполне.

Муж ученый! Зачем ты пытался
лунный лик очернить клеветой?
Ты, наверно, и сам любовался
проплывающей в небе луной.

Так пускай меня мчат звездолеты
через звездный простор на луну.
И оттуда, взлетев на высоты,
я на землю родную взгляну.

И, о ней в лунном свете тоскуя,
к ней одной лишь стремясь с вышины,
с новой песней домой прилечу я,
лунной песнею — прямо с луны!»

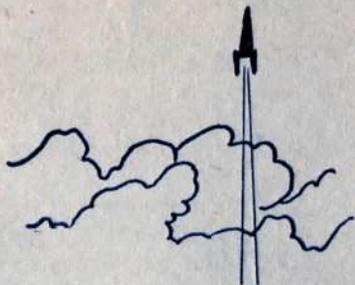
У РЕКИ

Вдаль течет река передо мною.
Бьет волна о скалы и дробится.
Думаю наедине с волною:
что не можешь ты уговориться?

И, мои угадывая мысли,
«Человек, — река мне отвечала, —
родилась я не для тихой жизни,
а затем, чтобы к простору мчалась.

В штормы я хочу гулять на воле,
в берегах не затихая тинных,
и не помирюсь я с кроткой долей —
дух борьбы кипит неукротимый.

Сердце горячо, неутомонно
и с твоим кипучим сердцем схоже».
Пела мне река легко, свободно
песню, что всех песен мне дороже.

ЛУЧ СВЕТА

От тех высот, где Млечный Путь зажжен,
сквозь тьму миров пробился луч неяркий.
Он в славный век сонета был рожден,
и сверстник он бессмертного Петрарки.

Скользил по гладкой крутизне зеркал,
и пойман телескопом без ошибки.
И астроном в то время ликовал,
а обыватель не сдержал улыбки:

«Чудак! Что за причина ликовать?
На небе этих звезд не сосчитать...»
Ученый же торжествовал победу.

Им новый мир сегодня был открыт,
и робкий луч, с каким он вел беседу,
о тайнах неба людям говорит.

ВЕСТНИК ЖИЗНИ

На небе ярко радуга горит,
моя рука схватить ее стремится.
Напрасно! Недоступная, парит
она, как пестроцветная жар-птица.

Давно учебник физики сказал,
что это — просто света преломленье,
но для меня ее полуовал —
огня живого на небе цветенье.

Луч света — вестник жизни; в нем живут
мелодии надзвездного хорала.
Наука и Поэзия берут

от чистого источника начало.
Источник этот — разум, труд, мечта,
а ими власть у ночи отнята.

ЗВУКИ ЮНОСТИ

Когда ты был ребенком, с детворой
ты вслушивался в то, как ветер злится,
на скалах грохотал морской прибой,
а в роще мирно щебетали птицы.

И ты задать по сто вопросов мог,
мир звуков новых ждал тебя заране:
зачем поет за печкою сверчок?
Зачем в окошко дождик барабанит?

Отцовских песен ты не забывал
и в кузнице могучий звон металла.
Ты возмужал, ты в руки молот взял,

чтоб песнь труду победно зазвучала.
Могучий молот в наковальню бьет.
Мой друг, тебе за эту песнь — почет!

ЗА РОЯЛЕМ

Рояль — ученого рабочий стол.
Звонит в нем радость творчества и муки
того, кто в поисках к победе шел,
порывы чувства облекая в звуки.

Лист партитуры скоро оживет
мелодией торжественной и гордой.
Нелегко труд! Но чтоб воспеть народ,
проснутся вдохновенные аккорды.

Начало есть. В нем поступь наших дней,
неудержимо мощное движенье
сил творческих и мужество людей,

идущих на великие свершенья.
Так труд, мечту направивший в полет,
гимн о героях в звуках создает.

СЕРДЦЕ

Заводское сердце — печь мартена.
Ритм его крылатый неизмен.
Ты взгляни, как молнией о стены
бьется солнца луч, навеки пленный.

Вижу стали огненной бурленье.
Печь-гигант шумит и жаром пышет,
и огня — хранителя горенья —
издали вулканный голос слышу.

Сердце пусть стучит мое сильнее!
Без огня не признаю искусства.
Жизнь прекрасна, только если с нею
в лад поет душа порывом чувства.

ДИССЕРТАЦИЯ

Диссертацию начал. Пишу.
Разгадать одну тайну спешу:
отчего так сияет в ночах
просинь неба у Мирьи в очах?

Вопрошает Ученый: «Зачем
выбрал ты среди тысячи тем
эту чушь?»

Непонятно ему:
Ясность глаз? Цвет зрачков? Почему?

Ах, Учитель! Любовь позови!
И откликнется буря в крови,
и блеснет тебе также она,
голубая тех глаз глубина. . .

Отвечает с усмешкою он:
«Значит, ты безрассудно влюблен,
раз мосты к отступлению сжег.
О науке подумай, дружок. . .»

Я пять тысяч и дней, и ночей
изучаю сиянье очей.

И клянусь: пока жив и дышу,
я свой груд до конца допишу!

Пусть блестит седина, словно грусть,
прежней тайны разгадку ищу.
И на званье Поэта, клянусь,
диссертацию ту защищу!

ВРЕМЯ

Время добрым вестником
по орбите мчится,
на висках ровесников
ливнем серебрится.

Все же чувства ярого,
страсти, непокая
хватит в сердце старого —
время ведь такое. . .

Днями дни сменяются —
память нас тревожит.
Юность удаляется,
но пропасть не может. . .

Наше сердце счастливо,
жизнь встречает смело,
если каждый час его
полон до предела.

Крепкого мы племени...
Юность счастье множит —
должником у времени
быть она не может!

ЗАРЯ
НАД
ЛАДО-
ГОЙ

ЗДЕСЬ ВСЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ

Стою на горке над родным заливом:
здесь все, как прежде, много лет назад, —
и волны Ладоги бегут бурливы,
и птичье пенье оглашает сад.

А за проливом, где всегда в тумане
ютились избы редких деревень,
я тракторов услышал рокотанье,
а в остальном здесь все без перемен.